

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ
МИХАИЛ ДЕЛЯГИН
ЛЕОНИД ИВАШОВ
АЛЕКСАНДР НАГОРНЫЙ
ЮРИЙ ТАВРОВСКИЙ
АНДРЕЙ ФУРСОВ

УРОКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

**ВОСТОК И ЗАПАД
КАК ПОЖАТЬ ПЛОДЫ
ПОБЕДЫ?**

Коллекция Изборского клуба

Александр Проханов

**Уроки Второй мировой.
Восток и Запад. Как
пожать плоды Победы?**

«Книжный мир»

2015

Проханов А. А.

Уроки Второй мировой. Восток и Запад. Как пожать плоды Победы? / А. А. Проханов — «Книжный мир», 2015 — (Коллекция Изборского клуба)

ISBN 978-5-8041-0803-9

Семидесятилетие великой Победы СССР во Второй мировой войне, столь широко и с таким подъемом встреченное в России, оставило после себя не только чувство гордости за нашу страну и наш народ, но и ряд важнейших вопросов, без ответа на которые возродить нашу Родину будет не просто. Почему уже через 10 лет после Победы в руководстве страны появилась политическая тенденция, закончившаяся горбачевской катастрофой и развалом страны? Как случилось, что народ-победитель потерял плоды своей Победы и теперь нашу страну пытаются приравнять к агрессору – фашистской Германии? Почему покрыто забвением значение Китая как страны, принявшей на себя первый удар японских милитаристов и сыгравшей огромную роль в победе союзников в тихоокеанском регионе? Участники Изборского клуба: известнейшие политики, военачальники, экономисты и публицисты, в предлагаемой читателю книге не только ответили на эти вопросы, но и изложили свое видение причин, течения и итогов Второй мировой войны, исторического значения Великой Победы советского народа над Германией и Японией, роль нашей Победы не только для Ялтинско-Потсдамского мира второй половины XX века, но и для будущего всего человечества в грядущем столетии.

ISBN 978-5-8041-0803-9

© Проханов А. А., 2015

© Книжный мир, 2015

Содержание

Икона Победы	6
Победа и поражения. Доклад Изборскому клубу	10
1. Победа и поражения русской цивилизации (исходные тезисы и постановка проблемы)	11
2. «Красная» идея и русская цивилизация (философско-идеологическая основа рассматриваемой проблемы)	13
3. Основные акторы западной цивилизации в борьбе против России (исторический контекст геополитического противоборства)	15
4. Вторая мировая и Великая Отечественная: политические итоги (основное стратегическое содержание Победы 1945 года)	19
5. СССР после Сталина: от Победы – к поражениям (причины и следствия краха «советского проекта»)	24
6. «Машина перестройки» и уничтожение СССР («дорожная карта» распада сверхдержавы)	27
7. Россия: возврат к мировым вершинам (методология и технология преодоления поражений и прорыва к новой Победе)	29
Советская Победа, всемирная история и будущее Человечества. Доклад Изборскому клубу	33
1. Великий юбилей	33
2. Мировые войны: сходства и отличия	36
3. Война: поджигатели, заговорщики, начало	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Уроки Второй мировой. Восток и Запад. Как пожать плоды Победы?

Составление и литературная редакция – *Владимир Винников*

Икона Победы *Александр Проханов*

На войне атеистов не бывает. Пехотинец, идущий в атаку, молится, надеясь спастись. Обгорелый танкист в лазарете молит облегчить его мучения. Жена, проводившая мужа на фронт, молит, чтобы тот вернулся с войны.

На великой войне, которую вёл Советский Союз с фашистами, народ непрерывно все четыре года молился. Во время войны Советский Союз являл собой огромный красный монастырь, где всё было общее, все молились, все несли свою огромную жертву на алтарь человечества. Молился крестьянин-новобранец, попавший первый раз под бомбёжку. Молился атеист-комиссар, оказавшись в кольце окружения. Молился Жуков, посылая полки под Вязьму. Молился Сталин, выходя ночами из кремлёвского кабинета, открывая ворота в Успенский собор.

Советский Союз был молящейся страной, которая, сражаясь, надрываясь в тыловых работах, читая похоронки, направляя залпы «Катюш» в укрепленные районы врага, молилась о победе. Победа была лучезарным образом, огромной светоносной иконой, которая сияла сквозь дым разгромленных городов.

Во время войны небо над страной раскрылось, и в безбрежной лазури, куда устремлялись души миллионов убиенных солдат, – в этой лазури сверкал ослепительный божественный образ.

«Священная война» – так в песне народ назвал Великую Отечественную. Священная – не только потому, что она велась за родные пороги и родные погосты, за Пушкина и Днепр-ГЭС, за ненаглядную родину, сотворившую народ свой из дождей и радуг, из древних сказаний и волшебных песен. Война была священной, ибо сражение шло за тот изначальный замысел, по которому Господь Бог сотворил человечество и весь белый свет. Белый свет, который не объемлет тьма, – свет, который охватывает весь тварный мир, всякое земное дыхание, всякий человеческий помысел, направляя их к чудесному и бессмертному блаженству. И этот свет не могли затмить пытки в застенках, печи в концлагерях, горечь первых поражений, в которых ни на мгновение не меркнул образ Победы.

Чёрная тьма фашизма накатывалась на мир, покрывая его непроглядной мглой, глотала народы и страны, стирала и комкала изначально задуманный Богом чертёж мироздания, свет превращая во тьму. Война была схваткой света и тьмы, двух полюсов мироздания, один из которых являл собой ослепительный райский свет, а другой – непроглядную вечную тьму, чёрную дыру, в которую падало человечество.

Повторились времена двухтысячелетней давности, когда человечество, охваченное тьмой, пало настолько, что для его избавления, искупления потребовалась великая жертва. Бог отдал на распятие своего любимого Сына, и тот, взойдя на мученический крест, испил чашу людских грехов и пороков, отодвинул ад, вернул человечество на пути Господа. Люди не превратились в зверей, людоед и палач не стали властителями мира, человечество продолжало своё медленное и мучительное восхождение, уставляя свой путь храмами, в кото-

рых славил Спасителя. Тридцать миллионов погибших на войне советских людей были Христовой жертвой, которая остановила тьму. Советский народ взошёл на крест, и этот крест в грохоте танков, в залпе «Катюш», в неудержимом натиске пехоты двигался от Москвы к Берлину. Красное знамя Победы, водружённое над рейхстагом, было алой хоругвью с ликом Христа.

Тридцать миллионов героев и мучеников, павших на священной войне, – это Христова жертва, это коллективный Христос. Мы, православные, который уж век ждём Второе пришествие. Подобно патриарху Никону, который построил под Москвой Новый Иерусалим, перенёс на эти подмосковные земли топонимику Святой земли, где протекал Иордан, высилась гора Фавор, темнела Голгофа, возвышался храм Гроба Господня. По мысли Никона, сюда, на Святую Русь, на любимую Господом землю, как космический корабль на святой космодром, спустится Иисус Христос во время Второго пришествия.

Но Второе пришествие Христа уже состоялось. Христос явился в России во время Великой Отечественной. Это он, Христос, осенью сорок первого года повёл советских пехотинцев в контратаку под Новым Иерусалимом, обратив вспять танковые соединения фашистской группы «Центр». Это он, Иисус, сражался под Дубосеково вместе с гвардейцами-панфиловцами, кидаясь с противотанковыми гранатами под немецкую броню. Это он, Иисус, сидел вместе с лётчиком Виктором Талалихиным, направляя его бесстрашный самолёт в лобовую атаку. Это он, Иисус, бежал под пулемётным огнём вместе с Александром Матросовым и бросался своей грудью на грохочущую амбразуру. Иисуса пытали в застенках вместе с молодогвардейцами, а потом ночью кидали в кромешную шахту. Его, Иисуса, вместе с генералом Карбышевым поливали ледяной водой. И чёрная ледяная вода смерти, касаясь обоих, стекая по их голым рёбрам, превращалась в святую воду. Второе пришествие Иисуса Христа на землю состоялось, и Христос был представлен здесь, в русских полях, тридцатью миллионами погибших героев.

*Отягчённый трёхлинейкой,
Всю тебя, земля родная,
Бог в солдатской телогрейке
Исходил, благословляя.*

Победа сорок пятого года – это торжествующий Христос. Армия-победительница, домчавшаяся до Берлина в окровавленных бинтах с криками немолкнувшего «ура!», – это церковь воинствующая, ведомая Христом к Победе. Недаром православная церковь отмечает День Победы как религиозный праздник.

Народ, победивший фашистский ад, – это святой народ, народ Божий. Герои-мученики священной войны, те самые красные герои, что были внесены в сталинский синодик, – это святые не в переносном, а прямом смысле слова. Святomученики, которые отдали свои жизни за Христа и вместе с Христом.

Отдали свои жизни за светоносное будущее, за человеческое совершенство, за божественную справедливость, за идеал Христовый, воплощённый в образе райских садов. Недаром Сталин сразу после Победы, когда ещё дымились города и не просели могилы убитых, отдал приказ сажать сады. И по всей израненной, изувеченной земле, на которой торчали обгорелые трубы сожженных деревень, зацвели сады грядущего белоснежного рая.

Победа – это высшее достижение советской эры, высшее проявление советского строя. Быть может, весь советский проект был задуман историей для того, чтобы в недрах этого проекта воссияла Победа. Мистический религиозный характер Победы 1945 года делает весь советский период не богоборческим, не богопротивным, а богоносным и богооткровенным. Священная Победа одержана священным народом, священными взводами и ротами,

священными батальонами и полками, священными армиями и фронтами. Святая армия, святой народ, святые герои-мученики, святые полководцы, святой генералиссимус Сталин.

Оружие Победы – это святое оружие. «Катюши» и «тридцатьчетвёрки», ППШ и ПТРы, «Илы» и «Яки» – это святое оружие, в котором сияет Фаворский свет Победы. Государство российское, согласно откровениям старца Филофея, творца теории «Москва – третий Рим», предназначено защищать православную веру, Христово учение о справедливости, бессмертии и благе. Государство российское, Советский Союз, одержавший победу над фашизмом, восстановил покачнувшуюся справедливость, отстоял эту божественную справедливость для всех последующих поколений. Священный Советский Союз, святой советский народ, святая Победа – это та аксиома, от которой начинается новое летоисчисление, как от сотворения мира или от Рождества Христова. Сегодня мы вступаем в год семидесятилетия от Рождества Победы.

В богоборческий период перестройки, когда либералы, держа в одной руке церковную свечку, другой истребляли советскую мистическую эру, главные удары наносились по константам, на которых держалась идеология советского строя. И главной из этих констант была Победа, священная война. Эту икону рубили топорами, как впоследствии рубили иконы колдуны и маги – галеристы гельманы. У священной войны стремились отнять святость. Поносили полководцев и генералиссимуса великой войны. Взахлёб говорили о поражениях первых лет войны, о трупах, которыми Жуков завалил окопы с отважными и умелыми немцами. О Красной Армии, перевалившей через границы рейха и приступившей к насилию целомудренных нордических дев. Договаривались до того, что Победу называли преступлением советского строя и жалели о поражении Гитлера. Советское государство пало.

Но икону Победы, обугленную, исцарапанную, перенесли через трагический девяносто первый год. Так раненый командир полка обматывает свою простреленную грудь полковым знаменем, несёт его из окружения сквозь топи и засады и падает без чувств на руки товарищей. Те разворачивают простреленное знамя, и под него вновь собирается полк. Победа, как высокая недоступная для врагов звезда небесная, сияла в сумерках девяностых годов. Она не давала упасть народу. Не позволяла исчезнуть идее государства российского. Красные святые из своего божественного райского поднебесья молились о сбережении государства российского. Выхватили его из косматых бесовских лап, как хрупкий росток, и вновь вживили в благословенную почву русской истории.

Звезда Победы осветила гибнущий «Курск» и ту мокрую, извлечённую из тёмного раскола записку, которую послал погибающий капитан-лейтенант Дмитрий Колесников со словами «Отчаиваться не надо». Эта звезда светила Шестой воздушно-десантной роте, которая ушла на чеченскую войну и легла костями, не пропуская врага.

Звезда Победы светила казнимому юному солдату Евгению Родионову, который не продал ни веры, ни родины и был обезглавлен палачами. Победа, как великое чудо, перенесла государство российское через чёрную бездну девяностых годов, через провалы русской истории, когда одна империя гибнет, исчезая в кромешной дыре, а другая, едва народившаяся, всплывает из чёрной бездны. Русская история творима чудом. Это чудо, как священная икона, передаётся от одних святых другим.

Сталинские святомученики, стоя на одном краю бездны, передали икону Победы мученикам нового времени, и те: моряки подводного крейсера, Евгений Родионов, десантники Шестой роты, чьи головы светятся нимбами, – приняли эту икону и поставили на алтарь государства российского. Победа – тот источник, из которого пьёт воду наше молодое государство. Тот колодец, из которого мы черпаем сладчайшую святую воду.

Битва за сегодняшнее государство российское – это битва за Победу. Её вновь хотят осквернить. Вновь выбивают из наших рук. Вновь оскверняют и хулят. Но Господь поругаем не бывает. Победу не затмить, звезду Вифлеемскую не погасить.

Мы молимся на икону Победы. На красное знамя Победы, которое реет, как Спас Нерукотворный, над шеренгами во время наших парадов. Победа – это тайна русского мессианства. Тайна народа, который сотворён вселенной, чтобы превращать тьму в свет, насилие в справедливость, смерть в бессмертие.

Пусть будет построен храм, в котором на стенах, на столпах и на сводах возникнут красные святые мученики, что летят в горящих самолётах, стреляют из бронебойных орудий, стоят на эшафотах под виселицей. Пусть на церковной стене Александр Матросов бросается грудью на дот. Пусть Зоя Космодемьянская с петлёй на шее смотрит в бездонное небо. Пусть Дмитрий Карбышев сверкает кристаллом прозрачного льда. Пусть летят в этом храме ангелы великих сражений. Ангел московской битвы. Ангел Сталинграда. Ангел Крыма. Ангел Курской дуги. Ангел штурма Берлина. Пусть во всём грозном блеске и мистической праведности в храме будут написаны иконы двух великих парадов: сорок первого и сорок пятого годов. Пусть мы узрим ангельский собор победителей, Генералиссимуса в белоснежном френче, окружённого маршалами-победителями. Мы будем приходить в этот храм во дни торжеств и печалей. Будем молить святых героев и мучеников сберечь нашу родину, укрепить нас в вере, продлить наш русский род в бесконечности.

9 мая на Красной площади пройдёт грандиозный парад. Пусть Красная площадь, эта каменная икона русской истории, просияет во всей своей полноте. Да не станут мелко-травчатые декораторы помещать в стыдливый саван розовый кристалл мавзолея. Прозвучит в торжественной речи президента России имя великого Сталина. Возвратится лучезарное, рокошущее, как гром небесный, имя города на Волге, наречённого – Сталинград. Мы – наследники великой Победы, дети, внуки, правнуки святых победителей. Их святость – в нас. «Вы – боги», – сказал Иисус своим ученикам. «Вы – боги», – говорят нам наши святые пращурь.

В сорок третьем году под Сталинградом у хуторка Бабуркин, сражаясь в штрафном батальоне, погиб мой отец. Его смерть случилась в ночь перед Рождеством сорок третьего года. Батальоны шли по заминированному снежному полю, прокладывая путь танкам. То один, то другой штрафник подрывался на mine. В ночи поднимались столбы взрывов. Там, в этом огненном дыме, погиб мой отец. Я был в Бабуркине, шел по открытой степи. И мне казалось, я иду рядом с отцом. У заросшей травой воронки я встал на колени, положил в воронку алый цветок гвоздики и запалил поминальную свечку.

Победа и поражения. Доклад Изборскому клубу Александр Нагорный, Владимир Винников, Юрий Тавровский

«Им не в диковинку было побеждать сильного врага с малыми средствами, но они никогда не умели пользоваться плодами своих побед».

В.Г. Белинский. «История Малороссии Николая Маркевича» (1843).

«Русская армия умела побеждать, но не умела пользоваться плодами своих побед».

А.А. Керсновский. «История русской армии» (1935).

«Сталин не раз говорил, что Россия выигрывает войны, но не умеет пользоваться плодами побед. Русские воюют замечательно, но не умеют заключать мир, их обходят, недодают. А то, что мы сделали в результате этой войны, я считаю, сделали прекрасно, укрепили Советское государство...»

Ф.Г. Чуев. «Сто бесед с Молотовым» (1993)

Исторически «короткий» XX век (1914–1991) был веком непрерывных войн и революций. По сути, веком одной и единой мировой войны, которая началась 1 августа 1914 года, а закончилась 25 декабря 1991 года, когда у здания ООН в Нью-Йорке был спущен красный флаг Советского Союза с серпом и молотом, а вместо него поднят российский «триколор». Версальский мир 1919 года вполне справедливо был назван по сути своей не миром, но перемирием, которое первым нарушили даже не его участники, а одна из держав-победительниц, Япония, которая в 1931 году вторглась в Китай и захватила его северо-восточную часть, создав там марионеточное государство Маньчжоу-го. Именно эту дату, а не вторжение Третьего рейха на территорию Польши 1 сентября 1939 года следует считать началом Второй мировой войны. Точно так же датой её окончания является не капитуляция Третьего рейха в ночь с 8 на 9 мая 1945 года и не капитуляция Японской империи на борту линкора «Миссури» 2 сентября 1945 года, а окончание боевых действий в ходе Корейской войны 27 июля 1953 года, когда международные отношения вступили в фазу «холодной войны», продлившейся вплоть до уничтожения Советского Союза. Такая концепция Второй мировой войны преодолевает традиционный «европоцентризм» освещения данного периода в истории XX века, позволяет связать воедино те военные конфликты 1931–1953 годов, которые пока рассматриваются вне и помимо её контекста, включая гражданские войны в Китае и в Испании, бои у озера Хасан и у реки Халхин-Гол, «зимнюю» советско-финскую войну, а также приход к власти Гитлера, аншлюс Австрии, Мюнхенский договор, советско-германский договор о ненападении, включение в состав СССР прибалтийских республик и многие другие события этого периода. Знаменитая речь Сталина на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года, где он заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», – была даже не предвидением, а констатацией факта начала Второй мировой войны и предельно точным обозначением срока, через который эта война должна была докатиться до пределов нашего Отечества.

1. Победа и поражения русской цивилизации (исходные тезисы и постановка проблемы)

Празднование 70-летия Победы над нацистской Германией прошло в Российской Федерации в обстановке огромного всплеска всенародного патриотизма и стремления нашего общества преодолеть негативную историческую тенденцию поражений последнего полувека, которые практически свели на нет грандиозные итоги Великой Отечественной войны, найти путь к новым достижениям и восстановлению русской цивилизации как троического объект-субъект-проектного единства, что подразумевает не только целостность российского государства, не только его способность к эффективным действиям внутри страны и за её пределами, но и создание «образа будущего» как аттрактора для системного развития русской цивилизации в её взаимодействии с другими человеческими цивилизациями. Такой была подоплека празднования 70-летия Победы по всей России, а фактически – и по всей территории бывшего СССР, какие бы политические режимы ни правили сегодня в отдельных локусах этой территории.

Конечно, главным идейно-политическим итогом Победы 1945 года стало гигантское расширение зоны влияния Советского Союза. По сути, впервые за всю историческую эпоху глобального доминирования «западноевропейской» цивилизации, которая началась еще в XVI веке, речь зашла не о том, какое из государств этой цивилизации будет лидером и победителем в «войне всех против всех», а о том, есть ли будущее у данной цивилизации в целом. Советские танки в Берлине поставили этот вопрос ребром. И дело было не в том, что коммунистическая, марксистская идеология имела западное происхождение – дело было в том, что она укоренилась и победила на совершенно иной, не западной, цивилизационной основе. Ни Маркс, ни Энгельс, как известно, не испытывали никаких симпатий к современной им России, рассматривая её как «жандарма Европы», отсталую и стоящую на пути всемирного прогресса страну, которую необходимо разрушить. Но именно эта страна, восприняв и переработав «под себя» марксистскую идеологию, в виде Советского Союза бросила Западу цивилизационный вызов, грозя трансформировать его сущность по своему образу и подобию. Коммунистические партии по всему миру набирали силу, даже в Европе Италия и Франция стояли буквально в шаге от прихода к власти «красных» правительств и поворота к СССР.

Несомненно, в ходе войны СССР понес огромные потери, но Великая Отечественная война была выиграна, следом за этим в лучших традициях «блицкрига» разгромлены японские войска на Дальнем Востоке, а реализация последствий Победы 1945 года органично продолжилась победой китайских коммунистов в самой населенной стране мира, а также цепью «красных» революций: сначала в восточноевропейских государствах, а затем – и в колониях европейских метрополий.

Перефразируя известный афоризм Генри Форда, можно сказать, что это были «цветные революции», при обязательном условии именно красного цвета.

Завершающей чертой новой глобальной расстановки сил стало стремительное послевоенное восстановление советской экономики и обретение Москвой ракетно-ядерного потенциала. В руках Кремля сосредоточились огромные политико-стратегические ресурсы, которые, с одной стороны, использовались в соответствии с новой коммунистической доктриной, предлагавшей всем народам мира справедливое политическое и экономическое устройство. А, с другой стороны, в основе этого мощнейшего движения лежало русское мессианство и русская энергетика, создававшие и расширявшие русскую цивилизацию как таковую, и русский язык, как инструмент этой цивилизации.

И вот прошло 70 лет. «Большая» Россия, русская цивилизация, которая существовала в форме СССР, была зажата Западом во главе с США в железные геополитические тиски и раздавлена на полтора десятка составных частей, Германия объединена на антирусских условиях, отторгнуты все восточноевропейские страны и республики Прибалтики, превратившиеся в опорные точки НАТО, а на просторах Украины и Грузии воцарились агрессивные «ультранационалистические» антироссийские и антирусские режимы. В самой России сложилась и действует мощнейшая «пятая колонна» из прозападных интеллектуалов, делегирующая множество своих представителей во все органы власти, где они являются уже «шестой колонной», а ключевые высоты в национальной экономике занимают «олигархи» разных мастей, проживающие в Лондоне, Париже, на Лазурном берегу и где угодно еще, кроме самой России.

Эти ужасные, катастрофические итоги уничтожения СССР во всем мире рассматривались и рассматриваются не только как крах коммунистической идеологии, но и как полное поражение русской цивилизации, на фоне которого Победа 1945 года утратила всякое значение. И лишь за последний год, в связи с возвратом Крыма и борьбой на Украине за Новороссию, эти оценки перестали рассматриваться как единственно верные и даже единственно возможные. Возникли надежды на то, что эпоха поражений русской цивилизации заканчивается и на смену ей снова приходит эпоха Победы. Но что для этого надо сделать? Прежде всего – усвоить исторические уроки наших политико-дипломатических и идеологических поражений, понять, где и как происходили провалы, кто раз за разом создавал для нас проигрышные ситуации, выдвигая фальшивые постулаты о нашей «отсталости» и утверждая, что нет ничего важнее мира, ради которого следует идти на любые принципиальные уступки, вплоть до самоубийства.

В приведенных эпиграфом к настоящему докладу цитатах, как видим, одна и та же тема военной доблести и мирной «непрактичности» русской цивилизации, которая рефреном и практически неизменно проходит через столетия. Но ничто не ново под луной, и римский историк Тит Ливий (I в. н. э.), приписавший карфагенскому полководцу Магарбалу слова, якобы обращенные к Ганнибалу после величайшей победы при Каннах (III в. до н. э.): «Vincere scis, victoria uti nescis» («Ты умеешь побеждать, но пользоваться победой не умеешь»), – похоже, всего лишь «применил к месту» существовавший уже задолго до того афоризм, который, правда, явно не был известен современнику Пунических войн Полибию.

Впрочем, не будем углубляться в историколингвистические изыски, поскольку вопрос о том, почему великая Победа 1945 года сменилась для нашей страны эпохой поражений, имеет для нас не историческое и не общеполитическое, а куда более актуальное и даже прогностическое звучание. Тем более, что нынешние карты Европы и «постсоветского пространства» практически полностью соответствуют не только духу, но и целям, и даже конкретным пунктам гитлеровского плана «Барбаросса» 1941 года. Что само по себе ставит перед нами вопрос о степени идентичности и/или хотя бы преемственности акторов Второй мировой войны с актерами краха Советского Союза в 1991 году.

Ответ на этот вопрос, или даже максимально допустимое приближение к такому ответу, позволят нам не только лучше понять суть всей мировой истории XX века, но и обозначить «окна возможностей» для выхода из той непростой и даже критической ситуации, в которой оказалась Россия как государство и как цивилизация сегодня.

2. «Красная» идея и русская цивилизация (философско-идеологическая основа рассматриваемой проблемы)

Начнем с тезиса о том, что без сочетания именно «красной», коммунистической идеи с идеей русской цивилизации и русской государственности, базирующейся на русском патриотизме, Победа 1945 года оказалась бы невозможной. Произошедшее в ходе Первой мировой войны разрушение империи Романовых западниками-либералами, казалось бы, ставило крест на тысячелетней русской цивилизации и на её уникальном историческом пути, отдельном от пути западноевропейской цивилизации. Но Великая Октябрьская социалистическая революция с ее общемировым идейным посылом развернула историю в другую сторону. Сложившийся союз советских республик в единое государство оказался оптимальной формой русской государственности в её противостоянии внешним и внутренним врагам.

Идея создания СССР как объединения государств, возникших на обломках Российской империи, где к власти пришли представители партии большевиков, обычно приписывается лидеру этой партии Владимиру Ильичу Ульянову-Ленину. В 1922 году таких государств было четыре: Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР), Украинская Социалистическая Советская Республика (УССР), Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР) и Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР). Союзный договор (вернее – Декларация об образовании СССР) фиксировал политическую ситуацию, которая сложилась после окончания Первой мировой и гражданской войн. Буквально за месяц до этого в состав РСФСР на правах области вошла Дальневосточная республика, внутри которой существовала Бурят-Монгольская автономная область – несмотря на то, что октябрьский пленум ЦК РКП(б) 1922 года под давлением Ленина отверг продвигаемый Сталиным план объединения через «автономизацию» других советских республик в составе Советской России.

В данной связи показательно, во-первых, то, что такое решение было принято «с видом на мировую революцию» – в связи с отложенной после поражения революций в Венгрии и Германии, но считавшейся возможной и желательной перспективой присоединения к СССР советских республик Европы, «вплоть до советизации всего земного шара» (что, кстати, нашло свое отражение в гербе СССР); а, во-вторых, то, что УССР и БССР вошли в Советский Союз практически в границах, обозначенных Брестским миром 1918 года.

Были эти моменты каким-то образом связаны с договором в Рапалло, заключенным между РСФСР и Веймарской Германией в ходе Генуэзской конференции 16 апреля 1922 года? На этот вопрос, скорее всего, придется ответить утвердительно. Вообще, история революций 1917 года и гражданской войны 1918–1922 годов наглядно демонстрирует вовсе не правоту избитых штампов вроде «Ленин – немецкий шпион», «Троцкий – представитель Фининтерна», а вполне объяснимое и даже неизбежное, доказанное всем ходом Первой мировой войны деление политических сил внутри России, в том числе – и внутри партии большевиков, на неформальные «пронемецкую» и «проантантовскую» фракции. «Ленинский» сепаратный Брестский мир с самого начала осмыслялся доминирующей частью руководства партии большевиков как временный и ничем не связывающий Москву. Однако в странах Антанты, Великобритании и Франции, этот мир вызвал чрезвычайно болезненную реакцию, поскольку давал Германии дополнительный источник сырья и продовольствия, а также высвобождал значительные военные силы для ведения боевых действий на Западном фронте. При помощи и под кураторством Лондона и Парижа накануне решающей летней кампании 1918 года на территории России была развязана гражданская война, что во мно-

гом способствовало как укреплению «пронемецкой» фракции РКП(б), так и «зачистке» сторонников фракции «проантантовской». Соответственно, множество приверженцев и прямых агентов Германии нашли понимание и поддержку в руководстве большевистской партии, им были предоставлены важные и даже ключевые посты в партийном, советском и государственном аппарате как союзного, так и республиканского уровня, – в данной связи достаточно упомянуть колоритные фигуры Григола Лордкипанидзе в Грузии (характерный факт – в октябре 1922 года 60 грузинских меньшевиков были арестованы ЧК, которую возглавлял Лаврентий Берия, и... высланы в Германию), Владимира Винниченко, Михаила Грушевского на Украине или Ивана Середы в Белоруссии. Официально «рабочие контакты» рейхсвера и Красной Армии начались еще в 1920 году, а неофициально они уходят своими корнями в период до Первой мировой войны, когда Российская и Германская империи, во главе которых стояли близкие родственники Николай II Романов и Вильгельм II Гогенцоллерн, считались политическими союзниками. Поскольку больше половины офицерского корпуса царской армии перешло после революции на сторону большевиков, а Германия и Россия не могли быть согласны с условиями Версальского мира, эти контакты были обречены на возобновление и укрепление.

То есть новые советско-германские связи после 1922 года активно развивались по всему спектру отношений: политических, военных, экономических и т. д. Что вызывало опасения держав Антанты относительно формирования полноценного советско (русско) – германского союза. И убийство «отца Рапалло», министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау (кстати, еврея по национальности) можно рассматривать как одну из реализаций подобных опасений...

3. Основные акторы западной цивилизации в борьбе против России (исторический контекст геополитического противоборства)

Заглянем в историю еще глубже. Второй рейх, Германская империя Гогенцоллернов, вырос из королевства Пруссия, в ходе войн 1864–1870 годов «железом и кровью» объединившего вокруг себя все немецкие государства, не входившие в империю Габсбургов (Австро-Венгрия). Пруссия еще в 30-е годы

XVI века стала протестантским светским государством, но до этого в течение почти четырех веков была территорией католического Тевтонского ордена. Католицизм являлся официальной религией королевства Бавария, вошедшего во Второй рейх, а также Австро-Венгерской империи, союзницы Германской империи в Первой мировой войне.

Фюрер Третьего рейха Адольф Гитлер не только был уроженцем Австрии, но и происходил из католической семьи, был одержим «тевтонским духом», а его политическая карьера началась – совпадение? – в католической Баварии, ставшей главной базой НСДАП. Таким образом, одним из вероятных «больших» акторов плана «Барбаросса» можно считать политическую референтуру Ватикана, который в период между мировыми войнами почти открыто поддерживал фашистские движения как в Европе (Италия, Испания, Германия), так и по всей планете, противопоставляя национальную идею идее социалистической.

Папой Римским с 6 февраля 1922 года по 10 февраля 1939 года был Аброджио Дамиано Акилле Ратти, известный под именем Пий (Pius) XI. 11 февраля 1929 года между Ватиканом и Королевством Италия был подписан Латеранский конкордат, аналогичный документ Ватикан и Третий рейх заключили 20 июля 1933 года. При этом Пий XI заявил: «В выполнении своего духовного долга и в заботе о благе и интересах германского рейха я буду стремиться избегать всех действий, которые могут нанести ему вред». Агрессию против Советского Союза он 22 июня 1941 года охарактеризовал как проявление «благородной отваги в защите основ христианской культуры», а через некоторое время – как «победоносную священную войну против безбожного коммунизма». Стоит также упомянуть о папской мессе 19 марта 1930 года, которую в СССР расценили как призыв к «крестовому походу» против мирового коммунизма.

Не стоит думать, что это была всего лишь личная позиция верховного католического иерарха – нет, она в полной мере выражала позицию верхушки ватиканской курии. Более чем через пол века, 7 июня 1982 года в Ватикане прошла встреча президента США Рональда Рейгана (сына рьяного католика-ирландца) с римским папой Иоанном Павлом II (в миру – поляком Каролом Войтылой), по итогам которой было принято решение «ускорить распад коммунистической империи» – и на следующий день, 8 июня Рейган выступил в Лондоне с программной речью, в которой объявил «крестовый поход» против «империи зла». Занимавший пост советника Рейгана по национальной безопасности Ричард Аллен позже по этому поводу скажет: «Это был один из величайших союзов всех времен». Как пишет историк Николай Малишевский, ключевыми фигурами этого союза со стороны США выступили «рыцари» Мальтийского ордена «директор ЦРУ Уильям Кейси и экс-командующий вооруженными силами НАТО в Европе Александер Хейг (родной брат которого, патер Хейг, занимал высокий пост в иерархии ордена иезуитов), а стратегическое взаимодействие между Вашингтоном в лице Рейгана и Ватиканом в лице Иоанна Павла II, а также между главами их спецслужб Уильямом Кейси (ЦРУ) и Луиджи Поджи (разведка Ватикана, которую западные исследователи называют «Священным Альянсом») осуществляли госсекретарь Збигнев

Бжезинский и глава отдела пропаганды Ватикана кардинал Йозеф Томко, возглавлявший ватиканскую контрразведку Sodalitium Pianum».

Автором проекта резолюции Конгресса США о Неделе поработенных народов, впоследствии принятой и подписанной президентом Дуайтом Эйзенхауэром в качестве закона (Public Law 86–9 °Captive Nations Week Resolution) 17 июля 1959 года, был «американец украинского происхождения» Лев Добрянский, по вероисповеданию – униат, то есть «грекокатолик». В тексте этого документа, как известно, содержатся характерные текстуальные совпадения с гиммлеровским «Планом «Ост»: вымышленные страны под названием «Казакия» и «Идель-Урал». В данной связи стоит заметить, что рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер также был уроженцем Баварии, происходил из консервативной католической семьи, и по этой линии вполне мог использовать те же референтные материалы Ватикана, что и Лев Добрянский.

Таким образом, с большой долей вероятности можно обозначить одного из крупнейших акторов глобальной политики, которые были заинтересованы в уничтожении Советского Союза и созданной после Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамской системы мироустройства, – высшие круги, связанные с католической церковью.

Но ясно, что данный актер был далеко не единственным.

5 марта 1946 года, ровно за семь лет до смерти И.В.Сталина, – опять совпадение? – в Вестминстерском колледже в Фултоне (штат Миссури, США) Уинстон Черчилль произнёс знаменитую речь, ставшую общепризнанной «точкой отсчёта» для «холодной войны». Эта речь провозглашала, по сути, новую политическую доктрину: особую роль англоязычных стран в послевоенном мире, «особые отношения Британского Содружества и Британской империи с Соединенными Штатами», – при утверждении тезиса о том, что «коммунистические партии, или пятые колонны, представляют собой все возрастающий вызов и опасность для христианской цивилизации».

Совершенно ясно, что Черчилль представлял иной, отличный от католического, глобальный «центр силы», хоть и заявляющий о своём «христианском» характере. Этот «центр силы» в течение XVI–XIX веков создал грандиозную, охватившую буквально всю планету Британскую империю, «над которой никогда не заходило солнце». В разные периоды истории он, как нетрудно убедиться, то воевал с ватиканской курией, то заключал с ней различного рода союзы и соглашения, иногда – официальные, иногда – тайные.

Королевский дом Виндзоров (Саксен-Кобург-Готская династия), как и их предшественники из Ганноверской династии, по сути, являлись и являются политическими наёмниками данного «центра силы» – подобно тому, как немецкие рекруты в XVIII веке были его военными наёмниками.

То, что Черчилль всегда выступал противником СССР, был идеологом интервенции против Советской России в годы гражданской войны, а незадолго до конца Второй мировой всерьёз рассматривал возможность войны против СССР совместно с остатками немецких войск (план «Немыслимое») – ни для кого не секрет. Точно так же ни для кого не секрет, что Великобритания сыграла ключевую роль в подготовке и проведении свержения последнего российского императора Николая II, а до того всячески препятствовала усилению влияния России в Европе и в Азии, что проявлялось как в череде кавказских войн и Крымской войне 1853–1856 годов, так и в последующих боевых действиях в Средней Азии, а затем – в русско-японской войне 1904–1905 годов, в ходе которой значительная часть управленческого аппарата Российской империи, в том числе – военного и дипломатического, была под британским влиянием и своими действиями фактически способствовала поражению собственного государства и победе Страны Восходящего Солнца.

Точно так же именно британская дипломатия через представителей «проанглийской» фракции в партии большевиков (прежде всего – Якова Свердлова) обеспечила расстрел царской семьи в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, а совместно с французскими союзниками – выступление чехословацкого корпуса (май 1918 года) и мятеж левых эсеров (июль 1918 года). Как утверждает американский историк Ричард Пайпс, и здесь нет оснований ему не верить, «британский агент Сидней Рейли пытался подкупить латышей (латышских стрелков. – *авт.*). С другой стороны, новый германский посол Рицлер в своих воспоминаниях утверждает, что германское посольство предположительно подкупило латышей, чтобы они выступили против левых эсеров», – напомним, что как раз 15 июля – 5 августа шла решающая для итогов Первой мировой войны «вторая битва на Марне», в ходе которой немецкая армия потерпела катастрофическое поражение. Не исключен британский след также в покушении на Ленина 30 августа 1918 года.

«У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их – наш долг», – эта фраза лорда Пальмерстона по праву стала лозунгом британской внешней политики. И Уинстон Черчилль тоже неоднократно повторял её.

После прихода к власти в Германии Гитлера (1933 год), с его риторикой «Дранг нах Остен» – «Натиска на Восток», официальные контакты с Берлином Москва свернула до минимума, в том числе – прекратились рабочие контакты между Красной Армией и рейхсвером. В 1934 году истек продленный до этого на три года срок действия Берлинского договора 1926 года. В то же время на других международных направлениях Советский Союз получал всё большие бонусы: последним по времени стало его признание Соединенными Штатами 16 ноября 1933 года.

Похоже, «разворотом СССР в сторону Англии» можно объяснить и такой, казалось бы, не связанный с внешней политикой факт, как образование новых союзных республик, зафиксированное «сталинской» Конституцией 1936 года. Соответствующий конституционный статус тогда получили Казахская и Киргизская ССР, ранее входившие в состав РСФСР на правах автономных республик. Тогда же в Узбекскую ССР из состава РСФСР была передана Каракалпакская АССР.

Так, например, если Г.В. Чичерин считался «пронемецким» советским дипломатом, то его заместитель, а после 1930 года – преемник на посту наркома иностранных дел, М.М. Литвинов (Валлах) – «про-английским», при этом личные их отношения характеризовались как «ненависть». Замена первого вторым, как и «обратная рокировка» 1939 года, когда «наркоминделом» стал председатель Совнаркома В.М. Молотов, лишним раз подчеркивает истинную степень субъектности руководства СССР, менявшего исполнительские кадры, в том числе – столь высокого уровня, по мере политической необходимости.

Вся советская внешняя политика в предвоенные годы строилась вокруг тезиса о недопустимости ситуации, при которой СССР окажется перед объединенным фронтом Германии, Японии, Франции, Великобритании, а также их союзников, включая Польшу, Румынию, Финляндию, Турцию, прибалтийские республики-лимитрофы и т. д. Конечно, эта политика опиралась на растущую экономическую и военную мощь Советского Союза, но требовала решений точных, быстрых и, самое главное, учитывающих весь спектр возможных последствий. Образно говоря, это был военно-дипломатический танец «на лезвиях ножей». И с данной точки зрения следует признать: «советский актер» работал в реальных обстоятельствах места и времени почти идеально.

Что с особенной силой проявилось в подписании германо-советского договора о ненападении 23 августа 1939 года. Вопрос о причинах и значении этого договора, известного на Западе как «пакт Молотова – Риббентропа» (почему здесь первой стоит фамилия представителя стороны, которая не являлась инициатором данного соглашения, понятно. – *авт.*) уже неоднократно рассматривался в исторической и политической литературе, в том числе –

участниками Изборского клуба, поэтому детально останавливаться на нём здесь нет необходимости. Важно то, что в контексте реальной исторической ситуации он был вызван политикой «умиротворения» Третьего рейха, которую проводили Великобритания и Франция, подталкивая Германию на Восток, к военному столкновению с Россией. Мюнхенский договор 30 сентября 1938 года, фактически отдавший Гитлеру Чехословакию, а также «странная война» как реакция Лондона и Парижа на вторжение вермахта в Польшу подтверждают именно эту, а не какую-либо иную концепцию.

Черчилль в своих мемуарах писал: «Тот факт, что такое соглашение (германо-советский договор. – *ает.*) оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет».

Помимо всего прочего, подписание этого дипломатического документа, произошедшее в самый разгар боев на Халхин-Голе, привело к отставке японского правительства Киитиро Хиранумы, поскольку было расценено в Токио как предательство союзнических обязательств Третьего рейха перед Страной Восходящего Солнца по Антикоминтерновскому пакту.

4. Вторая мировая и Великая Отечественная: политические итоги (основное стратегическое содержание Победы 1945 года)

1 сентября 1939 года немецкие войска вторглись на территорию Польши, 14 сентября было завершено окружение Варшавы, а 16 сентября – основных сил польской армии между Вислой и Бугом. Через два дня после вторжения, 3 сентября, Франция и Великобритания объявили Германии войну, но за эти две с лишним недели, а тем более впоследствии, никаких серьёзных боевых действий не вели, что получило название «фальшивой» или, в более распространенном варианте, «странной войны».

Так называемый «польский поход РККА» начался только 17 сентября 1939 года, когда исход германской агрессии против Польши никаких сомнений не вызывал, при этом 18 сентября польское верховное командование, уже находившееся на территории Румынии, отдало приказ войскам не оказывать сопротивления частям Красной Армии. 21 сентября им был практически без боя сдан Львов, который почти неделю успешно оборонялся от атак вермахта.

Хотя Польша не подписывала акта о капитуляции и де-юре не прекращала своего существования как государство, она фактически была разделена между Третьим рейхом и СССР по «линии Керзона», с небольшими выступами на запад в районе Белостока и Львова.

Практически одновременно, 28 сентября 1939 года, был подписан Договор о взаимопомощи между Эстонией и Советским Союзом. Аналогичные договоры заключили правительства Латвии (5 октября) и Литвы (10 октября), причем последней были переданы Вильнюс и Виленский край. На территории этих государств размещались советские войска.

В Хельсинки от подписания подобного соглашения категорически отказались, что привело к советско-финской «зимней» войне 1939–1940 годов.

Весьма показательно, что в ходе этой войны правительству Финляндии оказывали помощь как Германия, так и Великобритания с Францией, а в Париже готовились бомбить советские нефтепромыслы в районе Баку.

После захвата Третьим рейхом в апреле 1940 года Дании и Норвегии, а также начатого 10 мая вторжения в Голландию, Бельгию, Люксембург и Францию, Советский Союз 28 июня 1940 года ввел свои войска на подконтрольные Румынии территории Бессарабии, Северной Буковины и области Герца, которые вошли в состав Украинской ССР и вновь образованной (2 августа 1940 года) Молдавской ССР.

Также в начале июня 1940 года из Москвы потребовали смены правительств в балтийских государствах, что было осуществлено и привело к провозглашению в них 21–22 июля советских республик, которые 3–6 августа были приняты в состав СССР. Комплекс политических технологий, которые использовались для достижения этих целей, рядом современных исследователей рассматривается как прообраз современных «цветных революций».

Тем самым был достигнут максимально возможный для СССР того периода баланс сил на западном направлении.

Возможность единого антисоветского фронта была сведена к минимуму, а после 22 июня 1941 года оказалась невозможной, поскольку тактически выгодное для Третьего рейха нанесение первого удара по СССР стратегически запрограммировало его поражение. Здесь «коллективный Сталин» полностью использовал типовое стратегическое мышление политиков «второго актора», выраженное будущим президентом США Гарри Труменом 24 июня 1941 года в *New York Times*: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и,

таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях». В качестве победителя «европеец» Гитлер казался им куда более опасным конкурентом, чем «азиат» Сталин.

Возможно, если бы в Лондоне и Вашингтоне возобладало иное мнение, мы сегодня жили бы в совершенно другом мире. Кстати, никаких иллюзий по поводу своих «союзников» Сталин не питал, а потому и на Тегеранской, и на Ялтинской конференциях прошедшие все «степени посвящения» в политике Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль чувствовали себя рядом с ним «не в своей тарелке». Хотя сами до конца и не понимая, почему.

Кстати, именно после «фултонской речи» Черчилля Сталин окончательно отказался от поддержки Гоминьдана в Китае и сделал ставку на КПК и Мао Цзэдуна, что предопределило воссоздание единого Китая под красным флагом Китайской Народной Республики в 1949 году.

Далеко не решающую, но оттого не менее важную и даже, можно сказать, одну из ключевых ролей в поражении Третьего рейха могли сыграть и, видимо, сыграли «сталинские чистки» 1937–1939 годов, резко ослабившие потенциальную «пятую колонну» внутри СССР. Например, военный заговор против Сталина во главе с начальником штаба РККА, Маршалом Советского Союза Михаилом Тухачевским, который имел обширные личные связи с военными кругами как Германии, так и Франции, сегодня склонны считать мифическим. Однако существует собственноручно написанный Тухачевским в ходе следствия на полутора сотнях страниц план военного поражения от Германии и захват власти на его фоне. Даже если предположить, что данный документ писался под диктовку следователей, ему не откажешь ни в логике, ни в том, что впоследствии он оказался во многом подтвержден катастрофическим для нашей страны развитием военных событий в начале Великой Отечественной войны. «Заговор маршалов» был частично раскрыт и обезврежен в 1938 году, однако значительное число его участников осталось в рядах Красной Армии, и они так или иначе саботировали приказы политического руководства страны, особенно до создания Государственного Комитета Оборона (ГКО) СССР 30 июня 1941 года.

Историк Сергей Смирнов, опираясь на открытые архивные данные, пишет: «Заговорщики подставили армию ещё до начала войны, сорвав мероприятия по приведению войск в боевую готовность по директивам от 15 и 18 июня и проигнорировав предупреждение о возможном внезапном нападении немцев в ночь на 22 июня. Потом было прямое вредительство командования – несуразные приказы, в результате которых войска бродили по лесам, меняя направления, наносили контрудары на успевшего закрепиться врага, проводимые несогласованно с нескольких направлений (например, под Дубно). Было вредительство в области военных перевозок, когда военные грузы, необходимые на фронте, неделями плутали в тылу (за это был расстрелян начальник Управления военных сообщений Трубецкой Н.И.). Или, например, поток предвоенных грузов в Германию в первые дни войны продолжал своё движение, попадая в руки наступающего врага и затрудняя снабжение войск...

Тухачевский и его ближайшие сподвижники были расстреляны, а оставшиеся заговорщики не знали всех деталей. Поэтому выжидали, ждали сигналов от немцев...

Каких?.. Можно с большой уверенностью предположить, что главный сигнал – создание «альтернативного правительства» – правительства России, созданного под эгидой немцев против сталинского...

Существует замечательный документ – «Допрос генерал-лейтенанта Лукина Михаила Федоровича, командующего 19-й армией... «Допрос проводился 12 декабря 1941 года в форме непринуждённой беседы. Вот цитата из него: «Здесь генерал-лейтенант Лукин задал вопрос собеседнику о том, что не собираются ли немцы создать альтернативное русское правительство? На этот вопрос Лукина допрашивающий ответил, что создание такого пра-

вительства будет затруднительно, ибо генерал Лукин сам заметил, что все, кто бы мог войти в такое правительство, убиты большевиками. А в случае создания правительства из случайных людей, русский народ будет думать, что это правительство лишь служит немцам.

Лукин сказал: «Может быть, это и правда. В этом году Вы создали Министерство по делам восточных территорий, которое помогает только Вам. Однако если будет всё-таки создано альтернативное русское правительство, многие россияне задумаются о следующем: во-первых, появится антисталинское правительство, которое будет выступать за Россию, во-вторых, они могут поверить в то, что немцы действительно воюют только против большевистской системы, а не против России и, в-третьих, они увидят, что на Вашей стороне тоже есть россияне, которые выступают не против России, а за Россию. Также правительство может стать новой надеждой для народа. Может быть, так, как я, думаю и еще другие генералы; мне известны некоторые из них, кто очень не любят коммунизм, но они сегодня ничего другого делать не могут, как поддерживать его».

На вопрос, кого бы Лукин мог назвать в качестве альтернативы, Лукин ответил: «Сегодня в СССР существуют только два человека, которые достаточно популярны, – это Будённый и Тимошенко...»

Лукин, под руководством которого в плен немцам сдалось более полумиллиона красноармейцев и офицеров в котле под Вязьмой, спрашивает у немцев, не могли бы они создать альтернативное Сталину правительство...

Так думал не только Лукин. Генерал-майор Крупенников, командующий 3-й гвардейской армией, также находясь в плену, «резко критиковал оккупационную политику немцев на востоке и сказал, что немцы совершают «кардинальную ошибку», полагаясь в войне против Советского Союза «лишь на силы собственной армии». Он не исключал возможности формирования русской добровольческой армии из пленных красноармейцев с целью борьбы против советского режима, но считал обязательным условием этого создание политической базы для такого русско-немецкого сотрудничества. Германия, говорил он, должна доказать народам России, что рассматривает их не как «недочеловеков», а как «равноправных членов европейской семьи народов». В первую очередь, по его мнению, необходимо было сформировать русское независимое правительство» (из книги Й. Хаффманна «История власовской армии»).

Не кажется ли вам в этой связи, что «евроинтеграционные грабли», на которые сейчас наступила Украина и чуть было не наступила Россия, достаточно стары, хорошо известны и чересчур кровавы?

С одной стороны, это показывает, что власовская РОА была только сохранившейся к началу войны верхушкой айсберга, а с другой – что период поражений 1941–1942 годов «выжег» любые иллюзии насчёт Третьего рейха и у военных, и у гражданского населения СССР. Вследствие чего был достигнут такой уровень единения власти и народа, который до недавнего времени мог показаться просто фантастическим.

Впрочем, конкретные: идеологические, управленческие, технологические, научные и т. д., – аспекты того, как СССР, уступая Третьему рейху практически по всем экономическим показателям, тем не менее, смог нанести ему решающие поражения, достаточно хорошо изложены в опубликованных материалах участников Изборского клуба, и на них нет необходимости еще раз подробно останавливаться.

Единственным моментом, на котором стоит специально заострить внимание, на наш взгляд, является следующий.

Если рассматривать Вторую мировую и Великую Отечественную войны с точки зрения всё более популярной теории глобальных технологических укладов (ГТУ) Сергея Глазьева, то, безусловно, она была «войной четвертого ГТУ», или, как с гениальной простотой и точностью определил И.В. Сталин, «войной моторов» – войной, в которой победила та сторона,

которая смогла обеспечить оптимальный моторесурс своим танкам, кораблям, самолётам, автомобилям, поездам и так далее. Оптимальный – значит, мощный, дешёвый и надёжный, то есть способный работать долго, в широком диапазоне погодных условий и режимов эксплуатации. Именно на моторы «навешивалось» всё остальное: от брони и орудий до подшипников, – именно качеством моторов определялись масса, скорость и дальность действия, а также прочие технико-тактические характеристики всех боевых машин Второй мировой.

Можно сказать, что моторы были высшим материальным выражением «цивилизации металлов и нефти», свойственной человечеству 30-х – 50-х годов XX столетия.

Разумеется, эти машины нужно было уметь использовать: от непосредственного управления в бою до планирования стратегических операций с их участием, – но даже странно было бы предположить, что социальные системы, способные разрабатывать и производить моторы нужного количества и качества в нужном ассортименте, оказались бы при этом категорически несостоятельными в сфере образования (подготовки рабочей силы и кадров массовой армии), в сфере идеологической мотивации фронта и тыла или в сфере организации экономики.

Насколько известно авторам, подсчеты по странам и по годам величин моторесурса, использованного во Второй мировой войне, до сих пор вообще не проводились, хотя такие цифры намного лучше цифр численности вооруженных сил и боевых потерь могли бы раз и навсегда определить, кто чего стоил в то время. Однако существует почти полная уверенность, что Советский Союз занял бы безусловное первое место по этому показателю и суммарно, и в период 1942–1945 годов – точно так же, как Третий рейх безусловно лидировал в 1939–1941 годах.

Если же продлить эти, пока гипотетические, подсчёты и на военные конфликты после капитуляции императорской Японии, формально завершившей Вторую мировую, то есть прежде всего на Китай 1945–1949 гг. и Корею 1950–1953 гг., мы наверняка увидим нарастающую доминацию США, экономика которых после Великой Депрессии пережила в 40-е годы реиндустриализацию, аналогичную индустриализации СССР в 30-е годы, но куда более масштабную и, если можно так выразиться, «гармоничную», то есть не сконцентрированную на тяжелой промышленности, энергетике, инфраструктуре и прочих проектах «сектора А» в ущерб «сектору Б», производству товаров и услуг для потребительского рынка. Добавим, что в «зону влияния» США после войны попали Великобритания, Франция, большая часть Германии, Япония, Италия, государства Бенилюкса – иными словами, практически вся «элита» предшествующих ГТУ, обладавшая примерно 80 % тогдашнего технологического и ресурсного (с учетом колоний и подмандатных территорий) мирового потенциала.

Приобретения «большой России» в лице Советского Союза оказались намного более скромными: по сути, технологическую ценность представляли подконтрольная часть Германии (будущая ГДР) и отчасти Чехословакия (с месторождениями урановых руд), а ресурсную (демографическую и потенциально сырьевую) – красный Китай. Советско-китайский союз, возникший после того, как КПК одержала победу на территории всего материкового Китая, сегодня можно считать величайшим достижением «коллективного Сталина» – достижением, всё истинное и многообразное значение которого раскрывается только последующим ходом истории. Одним из проявлений чего стало формирование российско-китайского стратегического союза в его нынешней, принципиально новой конфигурации. Впрочем, это тема для отдельного доклада.

Тем не менее, в целом итоги Второй мировой войны и в Европе, и в Азии оказались исключительно позитивными для Советского Союза. Речь идет даже не столько о территориальных приобретениях или о создании собственной обширной «зоны влияния» в Европе, сколько о высочайшей привлекательности советской идеологии, на основе которой не только был побежден мировой фашизм и создана новая, более справедливая система междуна-

родных отношений, но и сформулирован общечеловеческий «образ будущего», в котором научно-технический прогресс сочетался с широкими гарантиями прав человека (на жизнь, на труд, на образование, здравоохранение), без расового и социального неравенства. Альтернативой такому «обществу справедливости» могло стать (и стало) только «общество свободы», которое, как уже достигнутый и существующий в англоязычных странах идеал, обозначил Черчилль в своей «фултонской речи». Исход противостояния решало, какое из них одновременно окажется и «обществом прогресса», то есть «обществом будущего». И здесь уже с середины 60-х годов наблюдается всё большее торможение и отставание советского проекта даже там, где этого просто не могло быть – типичным примером является «лунная гонка», в ходе которой Соединенные Штаты, презрев все законы физики и биологии, заявили о триумфальной высадке своих «астронавтов» на Луну. Правда, впоследствии выяснилось, что эпохальные кадры режиссер «Космической одиссеи» Стэнли Кубрик снимал в специально подготовленном голливудском павильоне, но тогда ни этого, ни других вероятных подлогов предпочли не замечать, а научно-техническую революцию в СССР – признать несостоявшейся и рассматривать только как задачу на неопределенное будущее.

5. СССР после Сталина: от Победы – к поражениям (причины и следствия краха «советского проекта»)

Вся приведенная выше историческая информация и связанные с ней оценки, казалось бы, имеют весьма отдаленное отношение к заявленной данным докладом теме Победы 1945 года и последующих поражений, приведших к уничтожению СССР. Однако они совершенно необходимы для указания на существование третьего глобального актора, без участия которого данный сценарий не мог быть осуществлен, – актора, условно говоря, «коммунистического». Полагать, будто он мог бесследно «исчезнуть» или «раствориться» в истории всего за неполные полвека – не только странно и наивно, но даже алогично.

Деятельность «прорабов перестройки» во главе с Михаилом Горбачевым, которых «либеральная» часть современного российского общества рассматривает как героев, освободивших страну от «коммунистического совка», а «патриотическая» – как предателей, разрушивших великую державу и поправших все нормы социальной справедливости, – наглядное свидетельство того, что не было также ни «деградации», ни «деквалификации» данного актора – напротив, поставленные им перед собой задачи были выполнены чрезвычайно быстро и в полном объеме. Даже в самые сложные 80-е гг. темпы прироста ВВП в нашей стране не падали ниже 4 %, что является почти недостижимой отметкой для нынешней РФ и ее руководителей.

Точно так же с данной точки зрения не выглядит сверхъестественным чудом и «путинский ренессанс» современной России, со всеми его видимыми противоречиями и парадоксами.

Если мы посмотрим на послевоенную историю СССР, то увидим, что его прорыв к вершинам мирового военно-политического могущества продолжался вплоть до Карибского кризиса 1962 года, включая в себя формирование Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, послевоенное восстановление экономики, создание атомной и водородной бомбы, овладение ядерной энергетикой, Суэцкий кризис, запуск первого искусственного спутника Земли и полёт Юрия Гагарина.

В этот же период шёл активный демонтаж колониальной системы, которую европейские метрополии создавали и использовали на протяжении более чем четырех с половиной веков. «Национальноосвободительные» движения в колониях активно поддерживали как Советский Союз, так и Соединенные Штаты, за счет обретения колониями независимости всё новыми и новыми государствами-членами пополнялась созданная в 1945 году Организация Объединенных Наций (ООН): тогда в её состав входили 52 государства, сегодня – 193. Нередко эти государства становились зоной острых политических и даже открытых вооруженных конфликтов с участием СССР и США. «Старые» колониальные империи, в том числе Великобритания и Франция, играли при этом всё менее самостоятельную и всё более зависимую от Соединенных Штатов роль. Что наглядно проявилось, например, в ходе Суэцкого кризиса 1956 года, когда «самодеятельность» Лондона и Парижа была пресечена совместными усилиями Москвы и Вашингтона. Попытки Франции при де Голле уменьшить зависимость от американской гегемонии завершились «парижской весной» 1968 года и вынужденной отставкой самого «коннетабля» с поста президента Пятой республики. Впрочем, параллельно в Чехословакии разгоралась «пражская весна», а формальное руководство СССР было в тот момент озабочено проблемами «конвергенции», поданной как «мирное сосуществование» двух социально-политических систем, она же «разрядка», она же «детант».

Развернутая в Советском Союзе после доклада Н.С.Хрущева XX съезду КПСС (февраль 1956 года) критика «культы личности» И.В.Сталина вызвала не только идеологический

и организационный кризис мирового коммунистического движения, но и привела к разрыву советско-китайского сотрудничества, окончательно закрепленному в ходе «культурной революции», начатой в КНР в 1966 году под руководством Мао Цзэдуна. Параллельно начались контакты между Пекином и Вашингтоном, которые привели к передаче китайского места в ООН КНР в 1971 году.

В феврале 1972 года президент США Ричард Никсон встретился в Пекине с Мао Цзэдуном, а в мае того же года он посетил Москву для переговоров с Л.И. Брежневым. Оба визита носили беспрецедентный характер: до того ни «красную Россию», ни «красный Китай» американские президенты в течение двух десятилетий «холодной войны» не посещали.

Эвакуация войск США из Вьетнама, разгром правительства Сальвадора Альенде в Чили и «Война Судного дня» в 1973 году, «нефтяное эмбарго» арабских стран и отказ того же Никсона от золотого обеспечения доллара подвели окончательную черту под новым балансом мировых сил. Который юридически был зафиксирован целым пакетом двухсторонних советско-американских отношений (ОСВ-1, ПРО, ОСВ-2 и т. д.), а также Хельсинкскими соглашениями о мире и безопасности в Европе 1975 года, Ямайскими соглашениями 1976 года, и продержался вплоть до уничтожения Советского Союза.

Конечно, замечательный отечественный мыслитель Александр Зиновьев был абсолютно прав, когда писал, что «холодная война не ограничивалась сдерживанием советского проникновения в Европу. Целью её стало вообще полное разрушение Советского Союза и всего блока коммунистических стран. И этому служила «разрядка» и не в последнюю очередь Хельсинкские договоренности как и многие другие соглашения, которые проталкивались в СССР группой высокопоставленных аналитиков во главе с шефом КГБ Ю.В. Андроповым. Их мотивировки облекались в псевдогуманистические задачи такие как спасение земного шара от ядерного уничтожения, продвижения идей социализма в капиталистический мир, создание условий для базовой конвергенции, при которой силы социализма «возобладают».

В свою очередь, Запад во главе с США делал ставку на многовекторное наступление на идеологическом фронте по всем возможным азимутам. Конечно, замечательный отечественный мыслитель Александр Зиновьев был абсолютно прав, когда писал, что «холодная война не ограничивалась сдерживанием советского проникновения в Европу. Целью её стало вообще полное разрушение Советского Союза и всего блока коммунистических стран. Это облекалось в идеологическую фразеологию освобождения народов от ига коммунизма, помощи в овладении западными (в первую очередь американскими) ценностями, борьбы за мир и дружбу между народами, за демократические свободы и права человека... Организаторами и исполнителями холодной войны ставилась задача атомизировать советское общество идейно, морально и психологически, лишить массы способности к сопротивлению... В эту работу были вовлечены многие десятки (если не сотни) тысяч специалистов и добровольцев, включая агентов секретных служб, университетских профессоров, журналистов, туристов. Работа велась с учетом опыта прошлого – особенно геббельсовской пропагандистской машины, а также достижений психологии и медицины, особенно психоанализа».

Но успеха вся эта активность могла достичь только при отсутствии адекватного ответа со стороны «стратегического противника», в условиях «игры в одни ворота». То, что именно такая игра шла и всё более усиливалась, начиная с эпохи правления Н.С.Хрущева, сегодня сомнений практически не вызывает.

«Косыгинская» реформа 1965 года, она же «реформа Либермана» (по имени истинного её автора, профессора Евсея Либермана), стала в определенной мере экономическим аналогом антисталинского доклада Хрущева XX съезду КПСС, поскольку лишь запутывала систему показателей для предприятий и влекла за собой хаотизацию народнохозяйственного процесса вместо того, чтобы сделать ставку на применение рыночных механизмов в опре-

деленных отраслях – таких, например, как сельское хозяйство и легкая промышленность. Всё это привело к откату назад, к усилению централизованного планирования, которое чем дальше, тем больше не справлялось с целым рядом экономических проблем. Внутри Советского Союза это впоследствии подавалось как «брежневский застой» и «неэффективность плановой экономики».

При этом альтернативные «косыгинским» реформам разработки советских экономистов, впоследствии использованные группой Дэн Сяопина для реализации «китайского экономического чуда», были отвергнуты, а их авторы – подвергнуты различным формам давления.

Одновременно высшая народнохозяйственная номенклатура уже в середине 60-х гг. стала входить в прямое взаимодействие с истеблишментом Запада. В частности, зять Косыгина академик Джермен Гвишиани, потомственный чекист, инициировал вместе с академиками Арбатовым и Иноземцевым участие СССР в работе Римского клуба с момента его основания, а также в ряде других совместных системных проектов. Именно эта группа, которой из-за кулис руководил Андропов, стала в лице Гвишиани соучредителем Международного института прикладного системного анализа (МИПСА) в Лаксенбурге (Австрия), вместе с британским лордом Солли Цукерманом (в багаже которого – расчетное обоснование массированных бомбардировок городов в годы Второй мировой войны) и американским политологом Макджорджем Банди (выпускником Йельского университета, который в 1964–1966 гг. возглавлял 303 Committee, отвечая за координацию государственных тайных операций США). Гвишиани был не только председателем научного совета МИПСА, но и «пробий» создание в 1976 году Всесоюзного НИИ системного анализа ГКНТ и АН СССР (ВНИИСИ), который был задуман как советский филиал МИПСА и который Гвишиани возглавил в качестве директора. Кстати, через ВНИИСИ и МИПСА прошли все члены команды «молодых реформаторов», включая Егора Гайдара, Петра Авена и Анатолия Чубайса. Таким образом формировалось взаимодействие и сотрудничество отечественной элиты с высшими кругами Запада. В кругу западных контрагентов находились семья итальянских миллиардеров Аньелли, американские фонды Карнеги и Форда, а также многие другие лица и структуры Запада, перечислять которые здесь нет никакой необходимости.

Однако следует понимать, что подобная активность Гвишиани, Арбатова, Иноземцова и др. вовсе не была их самодеятельностью, проявлением каких-то личных или групповых предпочтений – без санкции высшего политического руководства СССР такие «художества» пресекли бы в течение нескольких часов, невзирая на любое «высокое родство». Кстати, когда в конце 1979 года сам Косыгин высказался против ввода советских войск в Афганистан, он был очень быстро освобожден от должности «по состоянию здоровья» и действительно вскоре скончался. Но на положении академика Гвишиани карьерный крах его тестя никак не сказался.

Не удивительно, что все геополитические шансы, которые имелись у СССР после 1973 года для усиления своего влияния в Европе и в мире (социалистическое правительство в Чили, «революция гвоздик» в Португалии, ситуация в Испании после смерти Франко, сандинистская революция в Никарагуа, британо-аргентинская Фолклендская война 1982 года и т. д.), странном образом не использовались. Зато «интернациональный долг» в Афганистане, напротив, взялись выполнять так, что это привело к «возрождению исламского фундаментализма» на мировой арене и осложнению отношений Советского Союза со всем мусульманским миром. Так что дело тут вовсе не в «вялости брежневской геронтократии» – дело в том, чем эта видимая «вялость» на самом деле была обусловлена...

6. «Машина перестройки» и уничтожение СССР («дорожная карта» распада сверхдержавы)

Обстоятельства, которые предшествовали приходу к власти в СССР Михаила Горбачева и сопровождали этот приход, свидетельствуют о том, что «машина перестройки» к тому времени была уже полностью собрана и «готова к работе».

Итоги этой работы мы наблюдаем в течение последней четверти века. Они уже слишком хорошо известны и какому-то фактическому пересмотру не подлежат. «Большая Россия» в форме Советского Союза утратила почти 20 % своей территории и более половины населения, её экономический потенциал сократился в пять раз (Российская Федерация образца 2014 года так и не вернулась на уровень РСФСР образца 1989 года), а средний уровень жизни населения, без учёта «сверхбогатых» 5 % – практически втрое.

Еще одним важнейшим международным аспектом «перестройки» следует считать результаты «бархатных революций» в странах Восточной Европы, политическая и силовая верхушка которых в значительной степени контролировалась из Москвы. Сценарии этих политических постановок (как это видно сейчас на примере Украины, Грузии и даже СССР образца 1991 года) делались по одним лекалам и схемам, хотя методы и подходы могли варьироваться применительно к местным условиям в весьма широком диапазоне. Общность «цветных революций» заключалась в формировании массовых выступлений на улицах столицы с демагогическими популистскими лозунгами, которые проходили в обстановке, когда высшее политическое руководство государства было связано прозападной агентурой и не могло использовать силовые методы. Возникло двоевластие и распад режима с его заменой на угодные политические группировки. Отличия также допускались.

Где-то, как, например, в Чехословакии или Венгрии, были сильны антисоветские настроения, и поэтому западной агентуре удавалось ограничиться верхушечной сменой власти через более-менее легитимные политические механизмы, а где-то, как, например, в Румынии, пришлось прибегать к иным, более кровопролитным сценариям «советского» образца в тесном взаимодействии с «секуритатя» и с совместным участием не только советского спецназа, но также его коллег из ряда западных стран, включая США и Израиль. Показательно, что во всех случаях агентура США блокировала прежде всего силовые структуры: через внедрение своей агентуры или через коррупционные схемы.

В результате были фактически демонтированы итоги Второй мировой войны в Европе, разрушена вся ялтинско-потсдамская система международных отношений. Кроме того, уничтожение СССР после провала ГКЧП позволило США и странам НАТО «по умолчанию» не считать себя более связанными прежними формальными и неформальными обязательствами перед советским правительством: наподобие нерасширения НАТО на Восток или неразмещения на территории бывших стран Варшавского договора и СЭВ, а также в бывших союзных республиках, часть из которых также вступила в НАТО, своих военных баз, в том числе оружия массового поражения и высокоточного оружия. Территориальные и прочие уступки на долгие годы стали «фирменным знаком» российской дипломатии – достаточно вспомнить соглашения 1990 года с США по Берингову морю и с Норвегией 2010 года по Баренцеву морю.

Но еще болезненнее оказалась «потеря лица» на международной арене: руководство страны «сдавало» всех своих союзников, от Наджибуллы в Афганистане до Хонеккера в Германии.

25 декабря 1991 года одновременно над московским Кремлём и у здания ООН в Нью-Йорке был спущен известный всему миру красный флаг с серпом и молотом, а вместо него поднят бело-сине-красный «триколор». Так закончилась почти 69-летняя история Совет-

ского Союза и началась история Российской Федерации, одного из пятнадцати «новых независимых государств», возникших на месте бывших союзных республик, – впрочем, самого крупного и признанного правопродолжателем СССР по большинству международных договоров: от постоянного членства с правом вето в Совете Безопасности ООН до обязательств по советскому внешнему долгу.

При этом во всех «новых независимых государствах» (может быть, за исключением Белоруссии) правящими кругами стал культивироваться агрессивный антироссийский национализм, а время пребывания в составе российского и советского государства трактоваться как «оккупация» и «вынужденная инкорпорация».

Сейчас у всех на виду и на слуху события на Украине, где необандеровцы при поддержке «вашингтонского обкома» и его союзников по «западной цивилизации» объявили свой собственный «крестовый поход» против России, который вылился в жесткий террор против русского и русскоязычного населения этой республики. Но в 90-е годы аналогичные события происходили по всему остальному «постсоветскому» пространству: от Таджикистана до Молдавии и Прибалтики. Везде русские и другие представители «нетитульных» национальностей дискриминировались, подвергались гонениям и прямому насилию, вплоть до физического уничтожения. Впрочем, то же самое, при полном одобрении «международного сообщества» происходило и на территории самой России, особенно в Чечне, где сторонники «свободной Ичкерии» осуществляли самый настоящий геноцид русских и другого немусульманского населения.

С этой точки зрения, прошедшее весной 2014 года воссоединение с Россией Крыма стало очевидным «переломом тенденций», а поддержка Путиным требований населения Донбасса, также не принявшего итоги государственного переворота в Киеве, – настоящим бунтом против «однополярного мира» по-американски.

Следует полагать, что причиной тому стала не какая-то смена вектора интересов самого российского президента и всего комплекса «элит» российского общества, а необходимость в условиях системного кризиса человеческой цивилизации в целом и *Rex Americana* в частности противостоять попыткам «глобального лидера» выйти из этого кризиса или смягчить его проявления «против России, на обломках России и за счёт России». Причем слово «Россия» здесь следует понимать не в смысле государства «Российская Федерация», а в смысле современного формата того геополитического актора, который сначала создавал Советский Союз, а затем способствовал его уничтожению как геополитического субъекта – в смысле «Большой России», которая не ограничивается ни пределами РФ, ни пределами бывшего СССР.

7. Россия: возврат к мировым вершинам (методология и технология преодоления поражений и прорыва к новой Победе)

Какие же выводы следуют из вышеизложенного?

Во-первых, в историческом плане мы с полным правом можем констатировать, что выдающиеся победы, в том числе – и Победа 1945 года, тесно переплетаются в истории нашей страны и всей русской цивилизации с вытекающими из них поражениями. В победах всегда были зерна поражений и наоборот. Сами поражения носили чаще всего характер катастрофического распада, который происходил обычно на фоне более или менее длительного «мирного» противоборства, которые вела наша страна с другими глобальными акторами мировой политики. Чаще всего это проявлялось через дестабилизацию внутривластительской системы, что было связано с неэффективными действиями политического руководства, отказом от политического и военного наступления, а также через связывание других властных институтов государства.

Во-вторых, исторический процесс в XX и, особенно, в XXI веке качественно изменился, перейдя из сферы этноконфессиональных противостояний в сферу противостояний идеологических – за будущее устройство мира и мирового сообщества. Такой разворот чрезвычайно ярко проявляется в настоящее время, когда электронные масс-медиа практически сметают любые национальные, культурные и прочие границы, когда огромные массивы информации приобретают легко управляемый и трансформируемый характер – вплоть до того, что на политической карте мира появляются государства-«симулякры», наподобие современной Украины, которая практически полностью повторяет судьбу описанного Юрием Тыняновым «поручика Кижэ, сущности не имеющего».

И в этой ситуации преимущество получают прежде всего те силы, которые правильно нащупают пружины идеологического воздействия на общество и более искусно используют развивающиеся мировые политико-идеологические тенденции. Более того, сейчас, во втором десятилетии XXI века, на фоне глобального системного кризиса человеческой цивилизации в целом и «западной» цивилизации в частности, в остерейших и масштабнейших конфликтах решается вопрос о принципиальных основах будущего устройства всего человечества. И тот, кто осознает это, получит в свои руки едва ли не «абсолютное оружие» для победы в политико-идеологической и экономической борьбе. В развитие этого вывода следует сказать, что утрата русской цивилизацией собственного «образа будущего», вовлекающего в себя социальную, религиозную и традиционалистскую подсистемы, стала грубейшей ошибкой советской и «постсоветской» элиты нашей страны.

Наконец, *в-третьих*, опыт Победы СССР в Великой Отечественной войне доказывает огромное значение субъективного политико-психологического фактора, что требует повседневного исследования и выдвижения государством всё новых и новых привлекательных целей: как для собственного общества, так и для других обществ, вплоть до мирового сообщества в целом, – особенно, если данное государство рассчитывает на какие-то глобальные функции в будущем.

Разумеется, настоящий доклад не претендует на роль окончательного фундаментального исследования того, как русская цивилизация в форме и под флагом Советского Союза сумела одержать Победу в крупнейшей мировой войне, а затем – за несколько десятилетий не только обесценить свои достижения, но и довести ситуацию до расчленения страны-победителя при критической неэффективности правящей партии и общества в целом, запустив

на территории страны неуправляемые реакции распада, своего рода «социально-политический Чернобыль». Но некоторые моменты требуют специальной фиксации.

Первое. Дезавуирование итогов Победы 1945 года было связано прежде всего с деградацией идеологии СССР в виде «марксизма-ленинизма». Официальные «служители культа» Маркса-Энгельса-Ленина после XX съезда КПСС и «борьбы против культа личности Сталина» уже не столько исследовали реальность с идеологических позиций и прокладывали путь в будущее среди рифов кризисов и конфликтов, сколько подгоняли идеологические концепты под запросы политического руководства. Эти концепты «всё более полного удовлетворения всевозрастающих потребностей советских людей», «мирного существования», «развитого социализма», «общенародного государства» и т. д. демобилизовали общество сверху донизу, привели к нарастающим сначала социально-экономическим, а затем и внутривнутриполитическим проблемам. Что, в конечном итоге, привело к уничтожению Советского Союза и расчленению страны по лекалам плана «Барбаросса». Что, судя по характеру уничтожения и расчленения, вполне соответствовало не только интересам ведущих акторов «западной» цивилизации, но также – интересам актора цивилизации советской.

Второе. «Неэффективность» советской экономики была вызвана в первую очередь ошибочным стратегическим планированием (неумением использовать рыночные механизмы в правильных отраслевых направлениях) и искусственно созданным в середине 60-х годов финансовым разрывом между научно-технологическими разработками и реальным сектором экономики (замена принципа сокращения издержек производства принципом роста прибыльности, «уравниловка» в оплате труда, «штурмовщина» с избыточным накоплением запасов сырья и «корректировкой» плановых заданий и т. д.). Кроме того, свою роль сыграла и нарастающая пропаганда «общества потребления» в рамках «конвергенции двух систем». И то, и другое «прикрывало» гигантскую управляемый переток советских активов в западную экономику.

Третье. Параллельно в течение почти четверти века шла мощная организационная и экономическая накачка «национальных» союзных республик (т. е. всех, за исключением РСФСР), что создавало объективно благоприятные условия для их конфликта между собой и с союзными государственными институтами. Эти меры субъективно дополнялись и усиливались «борьбой с диссидентами и националистами», в число которых вытеснялась значительная и активная часть интеллигенции как производителей идеального продукта.

Четвертое. Практически та же самая политика проецировалась за пределы СССР, де-факто Кремль принял оборонительную тактику с разделом на зоны влияния, что не работало по определению в случае с США и другими западными странами... Ставка на оборону фактически подорвало мировое коммунистическое движение как глобальную идейнополитическую силу (за исключением «красного Китая»), Кроме того, «борьба за мир во всем мире» привела к поэтапной сдаче позиций СССР в «третьем мире», начиная с Карибского кризиса.

Пятое. Параллельно процесс «конвергенции» с западной цивилизацией шёл по всем направлениям, расширяясь и углубляясь до критического для русской цивилизации в форме СССР предела. Это способствовало антикоммунистической и антирусской группировки в высшие эшелоны КПСС и КГБ. Недаром группа «консультантов при ЦК КПСС», в рядах которой находились Бурлацкий, Арбатов, Иноземцев, Бовин, Делюсин и другие, позиционировала себя в качестве «птенцов гнезда Андропова» и на протяжении двух десятилетий эффективно торила путь как для горбачёвской «перестройки», так и для ельцинских «рыночных реформ».

Шестое. Уже с конца 50-х годов началось «упрощение», а попросту – деградация советской системы образования. Так, например, уже в 1955 году из школьных программ была исключена логика как самостоятельный предмет обучения, чуть позже та же участь постигла и высшие учебные заведения не философской специализации. В 1957 году курс астроно-

мии был переведен из 8-го класса в 10-й и значительно сокращен, так что слова будущего президента США Джона Кеннеди: «Космос мы проиграли русским за школьной партой», – сказанные им 4 октября 1957 года, в день запуска первого искусственного спутника Земли, уже не вполне соответствовали действительности. Разумеется, только логикой с астрономией данная тенденция не исчерпывается: деградация образования затронула практически все предметы школьной программы, что привело к резкому падению не только реального уровня образования, но и к деградации системы ценностей советского общества в целом.

Седьмое. Происходило резкое падение мобильности «социальных лифтов» в советском обществе, самоизоляция «элит», растущее социальное неравенство, снижение уровня их ответственности перед государством и «низами», что способствовало к нарастающему отчуждению власти от народа.

Уже отсюда понятно, что нужно делать для того, чтобы наша страна могла, пройдя через эпоху поражений, вернуться в эпоху побед, поскольку после уничтожения СССР все обозначенные тенденции вовсе не сошли на нет, а, напротив, усиливались до гротескных форм и объёмов, актуальных только для самых проблематичных, на грани failed state, государств.

В первую очередь, следует осознать и зафиксировать тот простой факт, что Запад – сегодня во главе с США – как был, так и остается цивилизационным антагонистом русской цивилизации, Русского мира, «Большой России», в каких бы идеологических или политических формах та ни существовала, отказывая ей, как единому и самостоятельному целому, в праве на существование. Отсюда жизненно важным становится формирование новой антизападной идеологии, возрождающей связку принципов свободы, социальной справедливости и прогресса не только для России, но и для всего человечества. Без этого, одновременно защитного и атакующего, идейно-политического «оружия» любое противостояние западной цивилизации будет обречено на провал. Нельзя «быть святее папы Римского» и пытаться напоминать Западу о давно пройденных и уже забытых им идеологемах, наподобие «прав человека», «норм международного права» или «свободного рынка». У Запада, образно говоря, есть защищенный патент на эти формы упаковки, а что конкретно будет внутри – решать им и только им, никакие «пожелания со стороны» здесь приниматься и учитываться не будут. Можно сколько угодно называть подобную практику «двойными» или даже «тройными стандартами», – для самого Запада это такая же чушь, как требовать от фирмы «Кока-кола» точного рецепта напитка, разливаемого в банки и бутылки, – это решает только сама фирма, это её «коммерческая тайна».

Разумеется, России как государству необходимо начать линию на тотальное подавление коррупции, что невозможно без подавления «теневого экономики». Что, в свою очередь, невозможно без изменения финансовой (кредитной, денежной, налоговой и т. д.) политики действующей власти. Что, опять-таки, невозможно без очистки этой власти от представителей «пятой колонны» не только во всех государственных институтах, но и во всех медиаструктурах, осуществляющих функцию «информационной власти», а также в системе образования.

Следовательно, также необходимо в максимально короткие сроки и применительно к условиям нашей страны перейти на модель смешанной экономики, которая обеспечила КНР прорыв на вершины мировой экономики, а сегодня выводит юань в разряд «мировых валют». Эта новая экономическая стратегия должна обеспечить не только внедрение новых технологий во всех сферах экономики, но и запустить работу «социальных лифтов» внутри российского общества.

Наконец, следует сделать упор на взаимодействие с теми странами, которые не приемлют порядка Pax Americana, «империи доллара». Это касается как развивающихся стран «третьего мира» (в форматах ШОС, БРИКС, ЕАЭС и т. д.), так и «аутсайдеров» из числа

сателлитов США, по разным причинам и с разной скоростью «вылетающих» из их зоны влияния (от Исландии и Греции до Турции, в перспективе – до Израиля и Германии). Целью такого взаимодействия будет формирование реальной идейной, политической и экономической многополярности современного мира, что позволит сделать его намного более стабильным и безопасным, а взаимодействие в его рамках – конструктивным и плодотворным.

Всё это необходимо делать с максимальной быстротой и полнотой. Только вследствие изменений такого рода Россия сможет не только сохраниться как цивилизационное целое, но и победить в неизбежной и уже разворачивающейся на наших глазах схватке за будущее человечества.

Советская Победа, всемирная история и будущее Человечества. Доклад Изборскому клубу **Андрей Фурсов**

*Гремя огнём, сверкая блеском стали
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин
И Первый маршал в бой нас поведёт!*

Б.С. Ласкин. Марш советских танкистов

*И в страхе бежал разбитый Главный Буржуин, громко проклиная
эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее
неразгаданной Военной Тайной.*

**А. Гайдар. Сказка про военную тайну, Мальчиша-Кибальчиша и его
твердое слово**

*Наше дело правое – мы победили.
Надпись на медали «За победу над Германией в Великой
Отечественной войне 1941–1945 гг.»*

1. Великий юбилей

В этом году мы отмечаем 70-летие великой Победы советского народа, СССР над Третьим рейхом, над национал-социалистической Германией, организовавшей поход континентальной Европы против Советского Союза, т. е. против исторической России, как бы она ни называлась. Нынешняя годовщина существенно отличается от 50-летия (1995 г.) и, тем более, от 40-летия (1985 г.). За последние полтора десятка лет на Западе (даже не скажешь: «определенные круги на Западе», поскольку позиция, о которой пойдет речь, по сути стала официальной, особенно в англосаксонских странах) развернута массивная пропаганда по извращению механизма возникновения, основных событий и результатов Второй мировой войны, которая для советского народа и особенно для его русского ядра (поскольку именно русских планировали стереть из истории нацисты) стала Великой Отечественной. На СССР пытаются возложить вину в развязывании Второй мировой, тыча «пактом Молотова – Риббентропа» (адекватное название – «советско-германский договор» от 23 августа 1939 г.) и подчеркивая якобы сходство гитлеровского и сталинского режимов как «тоталитарных»; превозносится материальная помощь союзников, прежде всего США; ставится под сомнение сам факт победы СССР. «Аргументы»: победило не государство, не режим, а народ «вопреки сталинской системе»; потери были столь велики – «трупам закидали противника», – что приходится говорить не о победе, а о поражении. Эти «аргументы» охотно подхватила «пятая колонна» в РФ, открыто пропагандируя точку зрения нашего нынешнего геополитического противника (впрочем, всегдашнего, по крайней мере с момента окончания наполеоновских войн). И хотя сегодня в плане патриотизма у нас ситуация существенно лучше, чем 10–15 лет назад – сегодня невозможно представить на ТВ подло-провокационное обсуждение вопросов типа «какой фашизм хуже – немецкий или русский», как это было сделано в одной из программ «Культурная революция», – ситуация вовсе не безоблачна:

информационная, психоисторическая война против России продолжается, а потому будут продолжаться попытки принизить роль и значение Победы СССР, лишить нас этой победы. Целей здесь несколько.

Во-первых, победа в Великой Отечественной – это до сих пор то немногое, что духовно, исторически объединяет многих людей на постсоветском пространстве, причем людей не только старшего и среднего возраста, но и молодежь. Это чувство единства, общей исторической судьбы важно не только с точки зрения социальной памяти и идентичности, удары по которым сознательно и систематически наносят геополитические и цивилизационные противники России, но и с практической точки зрения – как одна из основ реинтеграции постсоветского пространства, будь то в форме Евразийского Союза или какой-то иной.

Во-вторых, возлагая вину в развязывании Второй мировой войны на СССР, России и ее народам, прежде всего русским стремятся навязать чувство вины, а следовательно – комплекс исторической неполноценности; отсюда, помимо прочего, требования «каяться». Многие западные обозреватели и аналитики недоумевают: почему русские, потерпев поражение в «холодной войне», не каются так же, как это до сих пор делают, правда все менее охотно, немцы, потерпевшие поражение во Второй мировой. Ясно, что комплекс исторической неполноценности того или иного народа – мощное оружие в борьбе против этого народа.

В-третьих, приравнивание сталинского СССР к гитлеровской Германии и возложение на СССР такой же или почти такой же вины в развязывании Второй мировой войны, как вина Третьего рейха, выталкивает Россию как правопреемницу СССР из ряда победителей со всеми вытекающими последствиями. В 1995 г., выступая перед американскими военными, президент Клинтон заявил, что США позволят России быть, но не позволят ей быть великой державой. Действительно, сегодня РФ – не сверхдержава, какой был СССР. Однако, она до сих пор является одним из пяти членов Совета Безопасности ООН, имея право «вето» – как победитель во Второй мировой. А это де-юре означает великодержавный статус, еще одним аргументом в пользу которого является тот факт, что до сих пор РФ – единственное государство, способное нанести США неприемлемый для них ущерб. В таком контексте стремление вытолкнуть Россию из разряда победителей, возложив на СССР равную с Третьим рейхом вину за развязывание Второй мировой имеет вполне очевидные цели, особенно в последние два года. Ведь в ходе сирийского кризиса выявились пусть осторожные, но тем не менее очевидные шаги РФ к возвращению де-факто великодержавного статуса: активная самостоятельная роль на Ближнем Востоке – традиционной зоне интересов СССР, – т. е. за пределами так называемого «ближнего зарубежья».

Аргументы ненавистников России, стремящихся «унасекомить» нашу Победу, в принципе,

побиваются легко. Достаточно вспомнить, что договор о ненападении с Германией СССР заключил **последним** среди европейских держав (т. е. им можно, а СССР – нельзя). Достаточно вспомнить о том, что второй фронт союзники открыли только тогда, когда стало ясно: СССР без их помощи разгромит Третий рейх и выйдет к Атлантике. Достаточно сопоставить цифры производства военной техники в СССР и «материальной помощи» союзников. Наконец, достаточно посмотреть реальные цифры соотношения военных потерь СССР и Германии, чтобы раз и навсегда заткнуть рот кликушествующим о том, что мы победили якобы лишь потому, что «закидали немцев трупами».

Впрочем, вряд ли имеет смысл, особенно в год 70-летия Победы ограничиваться частностями. Имеет смысл взглянуть на Великую Отечественную в целом, в контексте широкой исторической панорамы и в то же время зафиксировать некоторые моменты, принципиально важные с точки зрения как истории, нашей памяти, так и сегодняшнего дня, нынешнего этапа мировой борьбы за власть, информацию и ресурсы.

В настоящем докладе рассматриваются следующие темы:

- особенности Великой Отечественной / Второй мировой войны с точки зрения русской и мировой истории;
- механизм организации/развязывания Второй мировой и обстоятельства начала Великой Отечественной войны;
- причины Победы, её цена и результаты;
- роль Великой Отечественной в русской и мировой истории;
- уроки Великой Отечественной с точки зрения сегодняшнего дня, когда всё более становится очевидным, что из-за политики США (североатлантических верхушек, хозяев Запада) мир оказался в шаге от новой мировой войны.

2. Мировые войны: сходства и отличия

Люди конца XX – начала XXI века с некоторым высокомерием полагают, что мировых войн было всего лишь две, и обе они ограничиваются XX веком. На самом деле мировые войны за гегемонию – имманентная черта капиталистической системы, ее политэкономии. Как правило, именно такого масштаба конфликты фиксируют окончательное наступление очередного цикла накопления капитала. Так, пик голландской гегемонии (1625–1672) и голландского цикла накопления капитала тесно связан с первой по счету мировой войной – Тридцатилетней (1618–1648); пик британской гегемонии (1815–1873) и расцвет британского цикла накопления капитала стал результатом двухраундовой англо-французской мировой войны (Семилетняя война 1756–1763 гг.; революционные и наполеоновские войны 1792–1815 гг.); наконец, пик гегемонии США в капиталистической системе и американского цикла накопления стал результатом двух мировых войн XX века.

На Западе довольно широко распространена следующая схема мировых войн. Согласно ей, в мировых войнах за гегемонию в капиталистической системе сталкиваются морские и континентальные державы: Голландия – империя Габсбургов, Великобритания – Франция, США – Германия. Побеждают каждый раз морские державы, в том числе и потому, что на их стороне оказывается прежний гегемон – морская держава: на стороне Великобритании – Голландия, на стороне США – Великобритания.

Трудно сказать, чего больше в этой схеме: наивности или сознательной лжи. Дело в том, что решающий военный вклад в победу голландской коалиции над Габсбургами внесла континентальная Франция; ну, а начиная с Семилетней войны решающую военную роль в победах морских держав над континентальными играла Россия/СССР. Именно Россия нанесла поражение «непобедимому» Фридриху II Великому. Именно Россия сокрушила Наполеона. Именно Россия оттянула на себя немецкие войска в августе 1914 г. и тем спасла Париж и западный фронт, а в 1915 г. с одного удара – по принципу каратэ – вырубил Австро-Венгрию из войны, а де-факто – из истории. Наконец, именно СССР подвигами своего героического народа, силой своей Красной армии разнес вермахт и нацистскую Германию.

В этом плане мы можем сказать, что наша Великая Отечественная как часть мировой войны середины XX в. вписывается в долгосрочную геополитическую логику, по которой континентальная Россия, не будучи претендентом на роль гегемона капиталистической системы, выступала на стороне морских англосаксонских держав, не только решая свои проблемы в борьбе с европейскими Континентами: Францией, Германией, стремившимися объединить Европу (тщетно – как заметил Ф.И. Тютчев, поскольку после образования империи Петра I, возрождение империи Карла Великого в Европе стало невозможно), – но и способствуя англосаксонским победам. На этом, однако, сходство мировой войны, традиционно именуемой «Второй», и предыдущих мировых войн заканчивается, и начинаются различия: принципиальные и весьма серьезные.

Прежде всего, впервые в истории развернулась борьба между капиталистическим и социалистическим (т. е. антикапиталистическим) государствами. В этом принципиальное социально-экономическое отличие последней мировой войны от предыдущих: здесь, помимо геополитической и мироэкономической борьбы, имела место схватка различных социальных систем, различных идеологий, различных социальных проектов.

Кроме того, в прежних мировых войнах ни один противник России: ни Фридрих II, ни Наполеон, ни Вильгельм II, – не ставил задачу физического и метафизического стирания русских из истории. Но именно такую задачу ставили нацисты, Гитлер. Речь шла о физическом уничтожении нескольких десятков миллионов русских и вытеснении оставшихся за Урал – с последующим превращением их в рабов, в скот, лишенный исторической памяти

и этнокультурной идентичности. В главном, германско-русском пласте, «сегменте» мировой войны огромную, целевую роль играл расово-этнический момент, чего никогда не было ранее в мировых войнах. Ставка для русского народа в последней мировой войне была максимально высока – мы сражались за право остаться в истории в виде народа, культурно-исторического типа, цивилизации. И победили. В этом плане Великую Отечественную ни в коем случае нельзя равнять с «германской войной» 1914–1917 гг.

В последнее время, особенно в связи со столетием начала Первой мировой войны, делаются попытки – главным образом теми, кого у нас принято называть либералами, – противопоставить Первую мировую Второй, принизив значение последней. Эти попытки развиваются в русле противопоставления Российской империи как некоего позитива Советскому Союзу. Можно лишь приветствовать обращение к героям Первой мировой, однако из этого не следует равновеликость двух войн для русской истории.

Во-первых, как уже было сказано, в 1914 г. немцы не ставили, в отличие от Гитлера, задачу стирания русских из истории: физического уничтожения одной части русских и культурно-психологического оскоотинивания – другой. Ставки в Великой Отечественной были неизмеримо и несравнимо выше, чем в 1914 г. – быть или не быть России и русским вообще, и уже поэтому ни о каком уравнивании двух войн быть не может, при всем уважении к памяти павших в Первой мировой. Я уже не говорю о том, что героизм и погибал русский солдат на полях Первой мировой не столько за интересы своей страны, сколько за кошельки англо-американских и французских банкиров, у которых самодержавие Николая II было почти по уши в долгах.

Во-вторых, «первая германская» для России окончилась поражением и распадом государства. Из Великой Отечественной СССР вышел не просто победителем, но одной из двух сверхдержав – на фундаменте Победы СССР просуществовал почти полвека, и РФ существует только потому, что до сих пор не удалось разрушить этот фундамент.

В-третьих, две мировые войны XX века – четкие иллюстрации того, что в одном случае (Российская империя) мы имели больное общество, в другом (СССР) – здоровое. Как только в 1915–1916 гг. был выбит старый офицерский корпус, рухнула армия, а вместе с ней – и самодержавие, государство. Заменить офицеров как персонификаторов модального типа личности (а его нужно-то 7–8% населения) оказалось нечем. В 1941 г. был выбит довоенный офицерский корпус, рухнула армия, потеряв миллионы пленными. Но уже через несколько месяцев другой, вновь созданный офицерский корпус, другая армия нанесли поражение вермахту под Москвой, за чем последовали Сталинград, Курск и красное знамя над рейхстагом. Произошло это потому, что в 1930-е годы был создан тот самый модальный тип личности, советский человек, который и вышел победителем в войне, расписавшись на рейхстаге.

3. Война: поджигатели, заговорщики, начало

Обычно, говоря о Победе, обращаются либо к поворотным битвам: Московской, Сталинградской, – либо к финальным месяцам войны, хронологически близким к Дню Победы. Я же хочу обратиться к ближайшей предыстории и самому началу войны, поскольку, полагаю, что именно тогда действия советского руководства и прежде всего И.В. Сталина в 1939–1941 гг. и Красной армии летом 1941 г., несмотря на поражения и отступление, заложили фундамент

Победы. В то же время, именно предыстория Второй мировой и Великой Отечественной, а также первые месяцы войны чаще всего становятся объектом фальсификации советофобов и русофобов. В связи с этим затрону три взаимосвязанных вопроса:

– Когда действительно началась Вторая мировая война?

– Какую роль в ее начале сыграл советско-германский договор от 23 августа 1939 г.?

– Готовился ли Сталин к нападению на Гитлера в начале июля 1941 г. (предатель-перебежчик В. Резун, книги которого под псевдонимом «Суворов» считает, что Гитлер упредил удар Сталина буквально двумя неделями, т. е. на самом деле агрессию планировал Сталин, а Гитлер, выходит, лишь защищался)?

Начнем со второго вопроса. Хорошо известно и задокументировано, что всю первую половину 1939 г. правительство СССР стремилось договориться с Великобританией и Францией о создании системы безопасности в Европе. Вяло ведущиеся (со стороны западных плутократий) переговоры убедили советское руководство, что в случае немецкого нападения на Польшу Великобритания и Франция исключают какие-либо активные действия, а СССР стремятся оставить, по сути, один на один с агрессором – на такую удочку СССР клюнуть не мог. 21 августа 1939 г. британцы практически сорвали переговоры в Москве (информация адмирала Дракса), будучи уверены, что СССР оказался в изоляции и дело остаётся за малым – спровоцировать конфликт между ним и Германией. Однако всего лишь через сутки взорвалась информационная бомба: СССР и Германия подписали пакт о ненападении, тем самым сорвав британско-французские планы войны. 1 сентября Германия напала на Польшу. Этот день традиционно считается началом Второй мировой. Строго говоря, это было началом европейской войны; евразийской она стала в июне 1941 г., а мировой – только в декабре. Но действительно ли европейская/мировая война началась 1 сентября 1939 г., а не раньше? Прежде, чем отвечать на этот вопрос, – несколько слов о том, что и кто привели к германо-польскому конфликту.

Британцы активно повели Гитлера к власти с 1929 г., чтобы бросить его на СССР. В 1933 г. у ставшего рейхсканцлером Германии лидера нацистской партии не было ни золотовалютных резервов, ни хорошо вооруженной армии, ни общей границы с Советским Союзом. Всё это в течение нескольких лет ему «поднесли на блюдечке». Аншлюс Австрии принес золотовалютные резервы. Отданная по частям Чехословакия решала сразу три проблемы: увеличение золотовалютных резервов (включая часть золота Российской империи, вывезенного «белочехами» из России), мощный военно-промышленный комплекс (каждый третий танк, воевавший на восточном фронте, был сделан на заводах «Шкода», переименованных в «Герман Геринг верке»; при этом одними только танками чехословацкий вклад в военную мощь Третьего рейха далеко не ограничивался) и граница с Советским Союзом. Однако в конце 1930-х годов Гитлер против СССР воевать не собирался – он хотел нарастить свою мощь. А потому сделал следующее: Чехию превратили в «протекторат Богемия и Моравия», а Словакию объявили независимым государством, причем эту независимость Гитлер гарантировал лично.

Британцы поняли, что фюрер пытается соскочить с крючка и решили приструнить его при помощи поляков. Последние, будучи то ли по наивности, то ли по гонору уверены в абсолютной британской поддержке, потребовали от Гитлера передачи им Словакии в качестве протектората. Гитлер отказал и предъявил контрпретензии на «данцигский коридор». Ситуация зашла в тупик, однако воинственная позиция поляков убедила фюрера в том, что британцы будут давить на него с помощью Польши. Отсюда встала задача решения польского вопроса, но для этого нужно было договориться о ненападении с СССР. Я согласен с теми историками, которые считают, что фюрер был уверен: британцы не будут воевать из-за Польши, а если и объявят войну, то, так сказать, понарошку; но он ошибся. Впрочем, война на западном фронте действительно шла почти понарошку – до захвата Франции, хотя даже до рубежа 1942–1943 гг. британцы воевали вяло.

Таким образом, вовсе не преуменьшая историческую вину Гитлера, мы не должны забывать всей той игры, которая привела к захвату им Польши и тех, кто эту игру затеял, «перейдя рубикон» в Мюнхене 28 сентября 1938 г. Сразу скажу: именно эту дату, по моему мнению, следует считать началом Второй мировой войны и одновременно созданием антисоветского военно-политического блока четырех европейских держав, который Сталин сломал договором 23 августа 1939 г., сделав первый шаг к победе мая 1945 г.

Здесь мы подходим к первому вопросу. Мюнхенский сговор (договором этот документ назвать трудно) не просто отдавал Германии часть Чехословакии и приглашал в перспективе проглотить все остальное. Это было нечто более серьезное. Во-первых, на самом деле это был акт совместной агрессии четырех европейских держав: Великобритании, Германии, Италии и Франции, – направленный на расчленение пусть искусственного, но суверенного государства, члена Лиги Наций. Данный акт должен был стать началом новой войны в Европе, эдаким вторым изданием Восточной (Крымской) войны, плавно перетекающим во Вторую мировую. Сам Гитлер подчеркивал, что война на Востоке, т. е. с прицелом на СССР, должна начаться внезапной операцией против Чехословакии. Началом своего «Дранг нах Остен» («Натиска на Восток») он считал захват Чехословакии.

Во-вторых, тем самым в Европе посредством «мюнхенского сговора» формировался агрессивный антисоветский блок, эдакое «протоНАТО», тенью хозяином которого была Великобритания, «клубы», «ложи», «группы» ее правящего класса, а главной ударной силой, военным кулаком – Третий рейх.

В-третьих, Мюнхен-38 объективно был средством решения определённой частью британского истеблишмента важных для неё внутривосточных проблем Германии. В частности – срыва заговора генералов, стремившихся свергнуть Гитлера: тот был слишком нужен банкирам и промышленникам Запада для сокрушения СССР и уничтожения национальных государств Европы. Тот режим власти Гитлера с его внутренней и внешней политикой, который оформился между 29 сентября 1938 г. и 1 сентября 1939 г. есть результат скоординированных действий западноевропейских верхушек или, как сказал бы Ленин, «международного переплетения клик финансового капитала», а также их наемных клерков в виде формальных глав правительств.

Не будучи посвященными в планы британско-французской верхушки, немецкие генералы считали, что агрессия против Чехословакии обернется для Третьего рейха катастрофой. Генералы исходили из чисто военной оценки: чехословацкая армия насчитывала 34 дивизии, более миллиона человек под ружьем, а наступать немцам пришлось бы в хорошо укрепленной, к тому же – гористо-лесистой местности, т. е. чисто военное поражение вермахту было гарантировано. В связи с этим генералы составили заговор: в середине сентября 1938 г. Гитлер, по приезде из Берхтесгадена в Берлин, должен был быть арестован и, в случае сопротивления, убит. Но о своих планах генералы сообщили британцам – и те сделали все, чтобы сорвать заговор. Прежде всего, 14 сентября с визитом в Берхтесгаден отправился Чемберлен

– это удерживало Гитлера от поездки в опасный для него Берлин. Ну, а сам «мюнхенский сговор» вообще ставил крест на целесообразности заговора. «Сохраняя мир, мы спасли Гитлера», – писал Н. Хендерсон. С какой целью? Разумеется, они спасали Гитлера для войны против СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.